

Александр ГОРОХОВ

ПУРГА

Два барака стояли на отшибе. Построены были давно, еще перед войной. Принадлежали лагерю. Половину одного барака занимала медсанчасть, во второй половине сожительствовавший врач с расконвоированной красоткой, числившейся санитаркой. Когда в пятьдесят четвертом лагерь расформировали, на его месте сделали аэродром для трех кукурузников, на которых держалась связь с большой землей, стойбищами и мелкими приисками. Бараки и медсанчасть передали прииску.

Лагерный врач с красоткой уехали, проклиная друг друга, судьбу, тундру и начальство. На их месте и поселились Николай Николаевич с женой. Он врач, она настоящая медсестра. Медсанчасть областное руководство назвало районной больницей, и стали они лечить и приисковых, и оленеводов из окрестных стойбищ.

В тундру Николай Николаевич с Зиной попали случайно. В пятьдесят четвертом.

Он встретился в привокзальном ресторане с начальником прииска. Оба были в командировке. Ждали поезда, зашли перекусить. Оказались за одним столом. Оба фронтовики, офицеры. Познакомились, разговорились. Оказалось, что воевали с сорок первого и даже на одном фронте. Обоих судьба не баловала. Побывали в штрафных ротах. Ранены не по одному разу. Выжили. К концу войны начальник прииска дослужился до командира саперного батальона, а Николай Николаевич с сорок четвертого командовал медсанбатом. Его новый знакомый, как узнал, что встретился с врачом, да еще с опытом всей войны, вцепился в него мертвой хваткой. Заказал коньяк, бутерброды с икрой, стал уговаривать ехать к нему на работу. И соблазнил. Обещанием через пять лет обеспечить приличной квартирой в южном приморском городе. А у Николая Николаевича маленький сын два года как родился, и никакого жилья, кроме комнатенки в огромной коммуналке, не предвиделось. Да и приличная зарплата была им с женой кстати. Так тут и оказались.

До самолетов было рукой подать, а из поселка больные приходили сами или привозил грузовик, постоянно мотающийся по разным делам туда-сюда. Во втором бараке жили молоденькие летчики и техник с семьями.

Сквозь сон Николай Николаевич слышал, как пришла соседка, шумно уговаривала Зину пойти в поселок, в кино.

— Летчики привезли «Тарзана» всего на один день. Завтра увезут, и всё, и никогда не увидим. Там Вайсмюллер играет. Красавчик. Олимпийский чемпион! Он стометровку за пятьдесят семь секунд проплывает! По радио говорили.

— Да не шуми ты! Коля только заснул. Всю ночь не спал, час назад прилетел из стойбища. Операцию делал, а потом роды принимал. Сказал, очень тяжелые были. Говори тише. Иди со своими летунами.

— Да они уже давно в поселке. На грузовике уехали. Начальство вызвало. Там в клубе и встретимся.

— Как я пойду, а вдруг пурга. Да и Сашеньке два километра тяжело топтать по морозу. А если замерзнет? — отнекивалась жена.

— Какая пурга, посмотри — небо голубое, ни облачка, солнце светит. Да и Санька ваш уже здоровый парень, почти пять лет. Оденем потеплее, за руки возьмем, за полчаса дойдем. Идти-то всего ничего. Кино красивое поглядим. И Санька твой увидит не эту богом забытую тундру, а джунгли, зверей разных, слонов, тигров, львов, обезьян, природу настоящую! Ведь никогда такого парень не видел! А назад все вместе придем. За десять минут назад домчимся, — уговаривала соседка.

Потом он заснул и не слышал, как они одевались, выходили из дома, закрывали дверь. Проснулся вдруг, сообразив во сне, что метель. Вскочил с постели. За окном выла вьюга. На столе, под тарелкой с пирожками лежала записка: «Борщ и второе в духовке, пирожки на столе. Кушай на здоровье! Приятного аппетита. Мы ушли в кино, будем часа в четыре». На часах — половина шестого. Еще во сне Николаю Николаевичу было тревожно. Снилось что-то нехорошее. Что, не запомнилось, но тревожное.

Действовал быстро. Что такое пурга, знал. Знал, что стоит отойти шагов на десять и ничего не видно, что назад можно не вернуться. Замерзнуть насмерть. Бродить вокруг дома, кружить, а самого дома не увидеть. Сколько раз людей замерзших находили почти на пороге.

Зажег лампу, поставил на подоконник. Вторую подвесил сверху на второе окно, в надежде, что свет в черноте ночи увидят. Взял большой аккумуляторный фонарь, ружьё, охотничий нож, вышел в тамбур. Вспомнил, вернулся и захватил компас.

Потянул на себя дверь. Та легко поддавалась, открылась, и на него свалился здоровенный ком снега. Двери на улицу в этих местах открывались внутрь. Специально, чтобы после снежных заносов можно было откопаться, выйти из дома.

Николай Николаевич лопатой пробил дыру в сугробе, шагнул. Пурга ослепила, швырнула в лицо острое ледяное крошево. Ветрище, будто великан, схватил за тулуп, потянул в тундру, словно в лапах его оказался не девяностокилограммовый мужик, а мелкий, только рожденный кутенок. Николай Николаевич успел дотянуться до дверной ручки, ухватился, устоял на ногах. Отдышался от перехватившего дух мороза. Огляделся. Фонари в окне светились. Успокоил себя: «Если близко, увидят, обязательно увидят». Сообразил, в какой стороне поселок, и сделал шаг. Ветер слегка ослаб, уже не сбивал с ног, и метров десять удалось пройти. Потом снова налетел, свалил, потащил. Николай Николаевич ухватился за что-то торчащее из земли, удержался. Порыв почти стих. Доктор поднялся. Сперва на четвереньки, потом встал во весь рост. Огляделся. Лампы в окнах светились желтыми точками. По их свету сообразил, в какую сторону надо двигаться. Понял, что будет это делать перебежками между порывами, и быстро пошел. Снова налетел ураган, но Николай Николаевич почувствовал его за секунду, успел воткнуть длинный нож по самую рукоятку в плотный, утрамбованный снег дороги и удержался. Когда буран ослабел, втащил нож и перебежал на несколько метров. Так получалось много раз, он вскакивал, бежал, падал, вонзал нож в пласт снега, лежал, снова вскакивал и бежал. Вдруг ветер рванул без передышки. Доктор не успел упасть на землю, закрепиться на ней и его понесло, завертело, долго крутило, потом ударило обо что-то большое, вдавило спиной в эту преграду и отпустило. Николай Николаевич подвигал руками, ногами — ничего не поломано. Повернулся, включил фонарь, чудом не сорвавшийся с ремня. Перед ним стоял занесенный почти до крыши грузовик! Доктор нащупал ручку и, когда ветер стих, открыл дверцу. Очередной порыв зашвырнул его внутрь и захлопнул дверь. Кабина была пуста. Должно быть, машина заглохла, и те, кто ехал, решили добираться своим ходом.

Здесь, в затишье, он понял, как неимоверно устал в борьбе с ураганом.

— Хоть бы мои не уговорились ехать на этом драндулете, хоть бы остались в поселке, в клубе.

Ветер с лютой ненавистью выл снаружи, забрасывал снегом, и скоро врач оказался внутри огромного сугроба, завалившего машину. Стало почти тихо, спокойно. Свет фонаря начал желтеть, и мрак за стеклами казался уже не белым, а желтоватым, серым. Чтобы сберечь зарядку, доктор выключил фонарь. Он успокаивал себя мыслью, что жена и соседка догадались переждать пургу в клубе или их кто-нибудь надоумил это сделать. Скорее всего, так оно и было, но иногда подкатывал ужас: «А вдруг поехали, вдруг не остались в поселке! Что тогда? Как искать?» Но разум брал верх: «Нет, Зина женщина опытная, разумная, она не станет рисковать сыном. И мне не надо спешить, надо немного отдохнуть, а потом идти и убедиться, что так и есть». Его, крепко-крепко сильного мужика, пурга вымотала, не оставила сил двигаться дальше. Опыт говорил, что раз уж тут оказался, надо немного передохнуть, а потом снова идти, вглядываться во тьму, пытаться увидеть своих, пробираться к поселку. Снаружи лютовала метель. Здесь было тише, спокойней. Снег законопатил щели. Не дуло. Глаза сами закрылись. Буря, казалось, затихала, успокаивалась. Вскоре стало совсем тихо. Тепло.

Ангел вспорхнул из травы, совсем близко. В полушаге. Пронесся, едва не задев прозрачным крылом. Оно на секунду отразило солнце, ослепило, и ангел исчез. Николенька заворуженно замер: «Наверное, он улетел в рай. Какое счастье, что я его увидел».

Холодный утренний ветерок ожег лицо, мальчик очнулся, шагнул по тропинке и чуть не наступил на кузнечика. Наклонился, поднял, положил на ладонь. Кузнечик не шевелился, черный глаз не мигал и никуда не смотрел. Лапки сжались, будто собрались прыгнуть, но не успели. «Бедненький, — подумал Николенька, — наверное, тоже хотел полететь в рай, но не успел. Что теперь с тобой делать?»

Кто-то шепнул на ушко: «Надо похоронить. Тогда и он попадет в рай».

Мальчик сошел с тропинки и направился к огромному дереву посередине поля. С травы еще не выпили хоботками росу бабочки, божьи коровки, жучки. Ноги мягко ступали по студеной влаге, травинки щекотали пятки. Николенька засмеялся и побежал.

Сквозь ветки дуба солнечные лучи едва проглядывали, и казалось, сюда утро еще не пришло. Листья на легком ветру шептались. Наверное, рассказывали ночные сны или последние новости. Может быть, про кузнечика или про ангела. Николенька поднял высохший сучек и выкопал ямку. Положил кузнечика. Хотел закопать, но увидел осколок бутылки, отер от песчинок и накрыл могилку. Две тонкие веточки связал в крестик и воткнул. Под темным выпуклым стеклом кузнечик лежал на боку и улыбался. Мальчик тоже улыбнулся и побежал на тропинку. Веселье переполнило, он запел, потом в ритм стал пританцовывать, размахивать руками, сорвал с головы панамку, подбросил, поймал, снова подбросил и снова поймал! А вокруг летали ласточки, стрекозы, ангелы, жужжали большие жуки, полосатые пчелы собирали нектар.

Бог посмотрел на Николеньку и улыбнулся...

Солнце ослепило.

Доктор очнулся. Сообразил: «Да ведь я чуть не замерз. Спасибо, Господи, что разбудил. Помогли, чтобы мои остались в поселке, чтобы не поехали или, тем более, не пошли домой». Он включил фонарь. Поглядел на часы. Прошел час, как заснул в кабине. Руки ооченели. Снял варежки, начал дуть на пальцы. Отогрел. Стянул унты, портянки, шерстяные носки, растер ноги. Огляделся. Нож висел на веревке на левой руке, а ружья не было. Подумал: «Должно быть осталось снаружи, у кабины. Если ветер не унес. А если утащил — тогда все, тогда не найти».

Окончательно пришел в себя, вспомнил про сон, удивился: «А ведь я никому про случай с кузнечиком не рассказывал, только вспоминал, когда совсем тяжело было. И на войне вспоминал, и потом, но не рассказывал. И вот поди ж ты, приснилось. Как наяву, точь-в-точь». Решил, что это добрый знак.

Попробовал выйти. Дверь не поддавалась. Видать, крепко её прижало снегом. С другой стороны, с водительской — открылась. Пурга поутихла. С ног не валила. Можно было двигаться. Николай Николаевич обошел грузовик. Снял зацепившееся за полуоторванную доску на кузове ружьё. Обрадовался, что не сорвало, не унесло. Выстрелил. Зарядил. Повесил на плечо. Потом посмотрел на часы. Десять. Отошел подальше от грузовика, определил по компасу где должен быть поселок. Двигался в темноте, пытаясь рассмотреть, не видны ли где Зина и Санька, останавливался, прислушивался — может, зовут на помощь. Ничего не было слышно. Только вой ветра. Время от времени проверял, не сбился ли, и снова шел, вглядывался в ночь, прислушивался.

— Только бы сидели на месте, только бы не отправились домой. Летуны, почти пацаны, на них надежды никакой. Да и эта настырная соседка наверняка будет уговаривать. Наверняка. Хотя бы Зина не согласилась. Нет, она не станет рисковать Санькой, не поедет с ними, останется, — как заклинание шептал Николай Николаевич.

Он старался идти быстро. Чувствовал, что коченеет, отмораживается лицо. Ругал себя, что забыл намазаться гусиным жиром. Когда совсем изнемог, стал, как на посох, опираться на ружьё, но стальной ствол сквозь рукавицы морозил руки, да и тяжело было переставлять его. Решил опять повесить на плечо. Остановился, посмотрел на компас — нет, почти не сбился. Буря почти утих. Появилась луна. Звезды. Наученный еще в детстве дедушкой, старым офицером, Николай нашел Полярную. Убедился, что идет правильно. Но, видать, далеко его отнесло пургой. Ухмыльнулся, вспомнив, как дед поднимал вверх указательный палец, когда произносил: «Учись ходить по азимуту, попомнишь мое слово, пригодится». Пригляделся — поселка не было видно. Хотя уже пора было бы...

Вдруг увидел волков. Трех. Двое скалились метрах в пятнадцати, а третий — чуть поодаль, сбоку. Николай Николаевич неспешно снял с плеча ружьё, прицелился, нажал на спусковой крючок. Осечка. Волки медленно пошли на него.

— Не паниковать. Спокойно. Всё получится, — сказал самому себе.

Снова взвел курок, плавно нажал. Ружьё выстрелило. Волк взвизгнул, завалился. «Готов». Остальные отбежали.

Доктор встал в ствол патрон. Ружьё держал наготове и уверенно пошел вперед, перешагнул через волка. Казалось, что на него глядят с ненавистью, но уже не как на ходячий кусок мяса, не как на еду. Он неспешно прошел метров десять, остановился, медленно повернулся. Волки жрали убитого. Должно быть, сильно оголодали. Николай Николаевич хотел сберечь патроны и больше не стрелять, но вдруг подумал, что жена с сыном сейчас идут к дому, что он с ними разминуся, а эти сволочи нападут, станут рвать, растерзают. Выстрелил. Волки отбежали. Последний порыв ветра швырнул в лицо снегом, скрыл на секунду зверей, луну, звезды, и буря затих.

Доктор пошел быстрее, иногда оглядывался — волков не было видно. Может, заморили голод и решили с ним не связываться, а может, следят издали.

— Только бы мимо поселка не проскочить. Только бы мои оставались в клубе, — повторялось и повторялось. — Нет, — убеждал себя Николай Николаевич, — не могут они куда-то идти, сидят в клубе и ждут меня. Верят, что я приду, и ждут!

Пурга прекратилась, но мороз уже добрался до самого нутра, сдавил смертельной хваткой. Ноги стали стеклянными, с трудом переставлялись. Руки онемели и, если бы волки показались теперь, вряд ли он смог бы опередить их и выстрелить. Было непонятно, как вообще получается двигаться, почему не падает в снег, не умирает.

Наконец увидел огоньки. Потом первые дома. Добрел до клуба. Стал стучать. Дверь мгновенно открыли.

— Зина! Слава Богу! Здесь!

Николай Николаевич ввалился в тепло. Потерял сознание и не слышал, как жена плакала, шептала:

— Коленька, слава Богу, живой, прости меня дуру, слава Богу, ты живой.

Она говорила беспрестанно, раздевала мужа, осматривала ноги, руки, лицо. Делала все, что положено, как учил Николай. Обливала чистые тряпки горячей водой из чайника, чуть охлаждала их, теплые прикладывала к ногам, рукам, лицу, легко, нежно растирала кожу. Когда пришел в себя, напоила горячим чаем, укутала в нагретую у печки одежду. Рассказывала, что чуть буря утихла, Галка стала уговаривать поехать домой на грузовике с летчиками, но она напрочь отказалась, а те поехали.

Николай молчал, кивал головой, вздыхал, обнимал жену, говорил:

— Ну и напугала ты меня, дурёха.

На лавке под тулупом клубного сторожа посапывал Санька. Николай Николаевич подошел к сыну, поправил сползшую шубу, подумал: «Должно быть, и вправду в детстве Бог улыбнулся мне».

На следующий день к вечеру нашли замерзших, обглоданных волками двух летчиков и Галку.